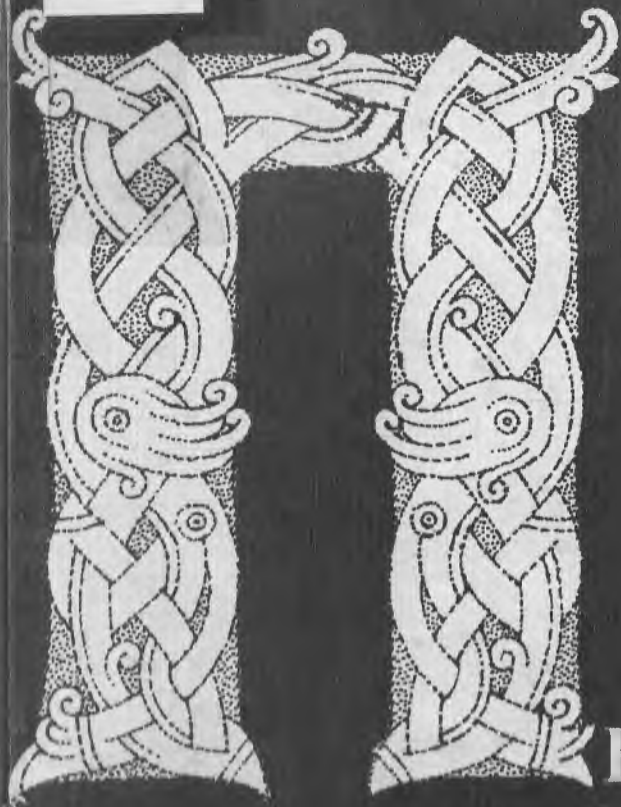

ТЗ(2)

П781

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ,
РУССКОЙ
КНИЖНОСТИ,
КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ

*К семидесятилетию академика
Николая Николаевича Покровского*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ

Серия основана в 1975 г.

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ,
РУССКОЙ КНИЖНОСТИ, КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Е. К. Ромодановская

СИБИРСКИЙ ХРОНОГРАФ
НОВОСИБИРСК
2000

№ 15600

УДК 93(09)
ББК 63.3(2)44+63.3(2)54
П 781

Утверждено к печати Институтом истории СО РАН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 00-01-16221)*

Редколлегия

член-корреспондент РАН Е. К. Ромодановская (ответственный редактор),
Л. В. Титова (ответственный секретарь), Н. Д. Зольникова, Н. П. Магханова,
Т. В. Панич, О. Д. Журавель, Е. Н. Туманик (секретарь)

Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 448 с. + 6 с. илл. (Археография и источниковедение Сибири, вып. 20).

ISBN 5-87550-115-4

Очередной выпуск серии «Археография и источниковедение Сибири» посвящён семидесятилетию юбилею замечательного историка современности академика Николая Николаевича Покровского. Сборник отличается необычайно широким спектром проблем, исследуемых историками, этнографами, искусствоведами и филологами-медиевистами. Это, прежде всего, различные аспекты изучения древнерусской и старообрядческой литературы, книжности, общественного сознания, история духовной культуры России и Сибири XVII–XX вв.

УДК 93(09)
ББК 63.3(2)44+63.3(2)54

ЭК

525764

П
БИБЛИОТЕКА
НГУ

ТЗ (2)

П 781

ISBN 5-87550-115-4

© Институт истории СО РАН, 2000
© «Сибирский хронограф», 2000

А. А. Бродников
(Новосибирск)

НАКАНУНЕ КРАСНОЯРСКОЙ СМУТЫ: САЛАМАТОВЫ ПРОТИВ ВОЕВОДЫ И. БАШКОВСКОГО

Исследователи, занимавшиеся проблемой общественного сознания, отмечали, что одной из важнейших форм его проявления является представление различных социальных групп населения о своем месте и правах в обществе. К проявлению сознания такой многочисленной в Сибири XVII в. сословной группы, как служилые люди, можно отнести их объективное стремление ограничить злоупотребления воеводской администрации, сконцентрировавшей в своих руках фактически всю полноту власти.

Как уже отмечалось историками, при всевозможных выступлениях и волнениях в Сибири XVII в. в качестве легализирующего момента со стороны недовольных звучали обвинения воевод в «нерадении государеву интересу» или даже непосредственно в государственном преступлении. Большинство городских восстаний как раз и начиналось с объявления на воевод «государева великого комнатного дела», с обвинения их в «нерадении государеву интересу»¹. При этом в качестве государственного преступления могли выдвигаться если не лобые, то весьма многочисленные злоупотребления, в которых были замешаны главы сибирских уездных администраций.

Среди всевозможных обвинений в злоупотреблениях воевод нередко звучат обвинения в корчемстве, незаконной продаже вина. Нарушение государственной винной монополии являлось весьма серьезным преступлением. Соборное Уложение 1649 г. за многократное нарушение запрета предусматривало строгое наказание, вплоть до конфискации имущества и ссылки².

---

¹ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 170–192; Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61; Он же. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 90–121; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 106, 140–164.

² Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 133.

В Сибири возможностей для злоупотреблений у воевод было предостаточно: продажа вина собственного изготовления под видом государственного — явление нередкое в практике сибирских администраторов XVII в. Тем не менее подобные обвинения выдвигаются, как правило, в моменты обострения противоборства между служилыми людьми и воеводской администрацией. Обвинение воевод в производстве и продаже вина — один из пунктов при перечислении злоупотреблений.

Следует согласиться с утверждением С. В. Бахрушина о том, что о нарушениях воеводами винной монополии знали все, хотя те и старались действовать негласно³. Очевидно, что незаконное винокурение было весьма распространенным явлением в среде сибиряков: томские события 1648–1649 гг. показали, что незаконным винокурением в городе занимался не только князь Осип Щербатый, но и многие из его окружения⁴.

Можно предположить, что возникшая конфронтация с томичами и необходимость их компрометации принудили О. Щербатого заняться сбором информации о винокурах, причем не только в Томске, но и за его пределами, в частности в Енисейске. В начале 1649 г. енисейскому воеводе Федору Полибину из Сибирского приказа была отправлена грамота, в которой ему предписывалось провести в Енисейске сыск и оштрафовать каждого из винокуров на сумму в два рубля четыре алтына и полторы деньги. Из текста грамоты следует также, что «имянная роспись» енисейских винокуров была незадолго до этого прислана в Сибирский приказ томским воеводой О. Щербатым⁵.

Согласно упомянутой росписи в Енисейске, гарнизон которого в то время насчитывал 328 служилых людей⁶, винокурением занимались 48 чел., в том числе такие известные личности, как сын боярский Дмитрий Фирсов и атаман Иван Галкин⁷. При таком размахе винокурения в Енисейске уездная администрация просто не могла не знать о нем. Тем не менее до получения грамоты из Сибирского приказа меры в отношении нарушителей государственной винной монополии или не принимались вообще, или были весьма незначительными и неэффективными, что также свидетельствует об обыденности незаконного производства и продажи вина в Сибири.

Однако вполне очевидно, что все знали о тяжести этого преступле-

---

³ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 172; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 135.

⁴ Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. С. 43, 61–62; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 221.

⁵ РГАДА, ф. 214, стб. 307, л. 539.

⁶ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1964. С. 31.

⁷ РГАДА, ф. 214, стб. 307, л. 540.

ния и в случае ущемления каких-либо своих интересов очень активно использовали обвинение представителей противоположной стороны в винокурении как один из наиболее серьезных аргументов. Именно поэтому обвинения сторонами друг друга в корчемстве в периоды городских волнений были столь обычны. Гораздо реже в документации XVII в. встречаются случаи, когда обвинения в незаконной продаже вина являются основными, а не сопутствующими. Такое обвинение было выдвинуто в 1688 г., за восемь лет до знаменитой красноярской смуты, в адрес воеводы Игнатия Васильевича Башковского сыном боярским Титом Федоровичем Саламатовым.

В известных источниках и литературе красноярский сын боярский Тит Саламатов впервые упоминается в 1667 г. в качестве продавца китайского табака («шара»), который он выращивал у себя на огороде в с. Ясоулове. В упомянутом случае выращенный им табак Тит Саламатов менял на пушнину татарину Кизлаку⁸.

В переписной книге Красноярска за 1671 г. называются четверо сыновей Тита — Данилко 16 лет, Васька 11 лет (ставший впоследствии активным участником описываемых ниже событий), Родька 9 лет и Семка 6 лет⁹. В документах последующих лет упоминаются еще два сына Т. Саламатова: в 1690 г. — Григорий, бежавший от злоупотреблений воеводы Льва Поскочина в Енисейский уезд¹⁰, и в 1696 г. — недоросль Яким, исполнявший обязанности палача при коллегии выборных «судеек» во время Красноярской смуты¹¹.

В 1685 г. енисейский разрядный воевода боярин князь Константин Осипович Щербатый распорядился отправить в Москву с государевой соболиной казной Т. Саламатова¹². Неизвестно, чем заслужил такую награду красноярский сын боярский, но удача явно не сопутствовала ему: вопреки решению К. О. Щербатого красноярский воевода Г. И. Шишков отправил в Москву с этим поручением другого человека.

Начавшееся буквально с самых первых лет существования Красноярска красноярско-енисейское противостояние, первоначально связанное, главным образом, с борьбой за ясачные территории к востоку от Енисея, достигло своего апогея в 80-х гг. XVII в., когда в 1681 г. Красноярский уезд был включен в состав Енисейского разряда. Красноярские воеводы пытались саботировать любые распоряжения из Енисейска, считая себя вправе решать все вопросы напрямую с Москвой и Тобольском.

Так было и в данной ситуации. Неизвестно, правда, был ли Тит Са-

⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 133.

⁹ Там же. С. 217.

¹⁰ Город у Красного яра. Красноярск, 1981. С. 74.

¹¹ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 183.

¹² Там же. С. 156.

ламаатов втянут в противоборство между енисейской и красноярской администрациями, но определенная оппозиционность семьи Саламатовых к красноярским воеводам в 80-х гг. все же наблюдается¹³. Отсюда и активное участие их в событиях конца XVII в.¹⁴

Если учесть, что Г. И. Шишков и сменивший его И. В. Башковский отличались чрезмерными злоупотреблениями, о чем свидетельствуют подаваемые на них доносы¹⁵, то можно предположить, что упомянутая обида была не единственной причиной недовольства Т. Саламатова красноярской администрацией.

Как бы то ни было, оказавшийся в Енисейске 15 декабря 1687 г. красноярский конный казак Александр Абрамовский сообщил о том, что в Красноярске при свидетелях сказали на воеводу Игнатия Башковского «слово и дело» сын боярский Т. Саламатов и его сын конный казак В. Саламатов. По приказу воеводы отец и сын Саламатовы были закованы «в железа», Тит брошен в тюрьму, а Василий отдан под караул. И. Башковский, изолировав своих обвинителей, попытался выяснить («выпытывал») суть обвинения — какое они на него «слово и дело» знают. Оба Саламатова отказались объясняться с красноярским воеводой, заявив, что скажут все только в Енисейске стольнику и воеводе Григорию Владимировичу Новосильцеву¹⁶, сменившему к тому времени стольника Степана Афанасьевича Собакина, управлявшего разрядом после князя К. Щербатого.

Только через два месяца, 15 февраля 1688 г., А. Абрамовский был вызван на допрос в разрядную избу, где и изложил енисейскому воеводе суть извета Саламатовых. Летом 1687 г. Игнатий Башковский получил из Енисейска государево вино, предназначенное для продажи на кружечном дворе. Но поставил его предприимчивый воевода у себя на дворе, пустив в продажу вино, изготовленное в подгородних деревнях своими людьми (л. 267, 275)¹⁷.

Григорий Новосильцев принимает решение провести допрос Саламатовых в Енисейске и отправляет за ними сына боярского Никиту Зенбицкого, который возвращается, так и не выполнив задания енисейского воеводы. Башковский не только не выдал Саламатовых, но и самого Зенбицкого продержал на постоялом дворе за караулом во избежание получения сыном боярским какой-либо ненужной информации — «чтоб де к нему никто красноярские люди не приходили и на

---

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 174, 183; Город у Красного яра. С. 77.

¹⁵ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 156–160, 172–178.

¹⁶ РГАДА, ф. 214, стб. 1067, л. 274. С. В. Бахрушин датирует арест Саламатовых 27 января 1688 г. (См.: Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 176). Далее при ссылке на документы этого столбца в тексте в круглых скобках указываются номера листов.

¹⁷ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 173.

него б, Игнатия, никто ни в чем не извещали». Вместо этого красноярский воевода сам передал через Н. Зенбицкого челобитную для своего енисейского начальника-конкурента «для розыску в государевом деле», в которой, естественно, постарался опровергнуть обвинения в свой адрес, а заодно и очернить информатора енисейского воеводы. По версии Башковского, никто на него «слово и дело» не говорил, а А. Абрамовский бежал в Енисейск потому, что украл государеву казну и обокрал торговых бухарцев (л. 289).

Находившийся все это время в Енисейске А. Абрамовский при очередной явке в разрядную избу подтвердил сказанное им ранее. И Г. Новосильцев решил предпринять еще одну попытку сыска: в Красноярск для сбора информации путем опроса жителей города был отправлен казачий пятидесятник Михаил Абалаков. Ему же надлежало привести в Енисейск ссыльного Ваську Васильева, упомянутого Абрамовским в качестве продавца вина на дворе Башковского (л. 291)¹⁸.

Поездка М. Абалакова, как и Н. Зенбицкого, оказалась неудачной. И. Башковский вновь препятствовал действиям посланца енисейского воеводы — проводить ему сыск «не велел», мотивируя свои действия новыми обстоятельствами: жители города отправили в Москву челобитную, «чтобы Красноярскому под Енисейским разрядом не быть». Это давало И. Башковскому повод не выполнять требования разрядного воеводы до получения любого по содержанию ответа из Москвы. Более того, енисейский пятидесятник едва избежал участи быть битым кнутом по велению Башковского, «чтобы впредь ни для каких сыскных он, Григорий Новосильцев, никого не присылал». Наказание кнутом было обещано всем, кого енисейский воевода впредь вздумает отправлять в Красноярск для сыска. Вполне естественно, что ссыльно-го В. Васильева И. Башковский в Енисейск не отпустил, а М. Абалаков был просто выслан из города (л. 292–293)¹⁹.

Перед отъездом из Красноярска Абалакова Саламатовы смогли каким-то образом передать ему отписку («грамоту») для енисейского воеводы. Информация об этом дошла до Башковского: за Абалаковым была послана погоня. В 20 верстах от Красноярска его настигли и стали обыскивать, но «грамоту» Саламатовых так и не нашли. Вскоре эта «грамота» попала в руки енисейского воеводы (л. 293–294).

Саламатовы сообщали, что И. Башковский в течение трех недель с помощью пыток добивался от них повинной. Повинную они не дали, но вынуждены были дать «скаску», что никакого «государьского дела» на красноярского воеводу не знают. После чего их отпустили, хотя контроль со стороны администрации сохранялся²⁰.

¹⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 173.

¹⁹ Там же. С. 158–159.

²⁰ Там же. С. 177.

Еще через несколько недель в Енисейске узнали о том, как развивались дальнейшие события, связанные с Саламатовыми. 11 апреля 1688 г. в енисейскую разрядную избу явился красноярский конный казак Левка Свищев (бывший, кстати, односельчанином Саламатовых²¹), отпущенный из Красноярска для пострига в Енисейский Спасский монастырь. Он рассказал, что «на пятой неделе Великого поста» Саламатовы ухитрились бежать из Красноярска. Для И. Башковского было очевидно, что беглецы устремятся попасть под защиту енисейского воеводы. В погоню за ними был отправлен сын боярский Трифон Еремеев с 30 казаками (в 1686 г. он заявлял «государево дело» на красноярского воеводу Г. Шишкова, а в 1695 г. станет одним из выборных судеек во время отказа красноярцев от воеводства сыновьям И. Башковского — сначала Алексею, затем Мирону)²².

Беглецов настигли в д. Нахвальной, в 70 верстах от Красноярска. Во время обратной дороги Т. Саламатов говорил по селам и деревням, что знает на воеводу «великих государей великое комнатное дело», не излагая, однако, его сути. В Красноярске воевода подверг Тита очередной пытке, но выяснить обвинение в свой адрес так и не смог, после чего посадил своего противника под караул. Со слов Свищева, ему обо всем случившемся поведал в с. Ясоулове Т. Еремеев, но о том, жив ли Т. Саламатов, красноярский казак сказать не мог.

По дороге в Енисейск Свищеву по селам и деревням встречались заставы из служилых и посадских людей и пашенных крестьян, которые И. Башковский поставил во избежание просачивания информации к Г. Новосильцеву: «не велел никого пропускать без памяти» (л. 277–278)²³.

В Енисейске вскоре произошли серьезные изменения в руководстве: на воеводу Г. Новосильцева поступило много жалоб, он был отстранен от воеводства и заменен сыном боярским Иваном Максимовичем Перфильевым (л. 263). И. Перфильев вполне отдавал себе отчет в том, что уж если боярин князь К. О. Щербатый не смог добиться беспрекословного подчинения Енисейску красноярской администрации, то для него это совершенно бесперспективное занятие. Оставалось только апеллировать к Москве. И. Перфильев решил отправить в Сибирский приказ изветные челобитные Л. Свищева и А. Абрамовского «за их руками» со своей отпиской и «грамотой» Саламатовых, а самих изветчиков оставить в Енисейске на руках.

С А. Абрамовского поручную запись взять удалось, а вот Л. Свищев к этому времени из Енисейска исчез, и попытка его розыска ока-

---

²¹ Там же. С. 218.

²² Там же. С. 176, 179–182.

²³ Там же. С. 176.

залась неудачной (л. 295). По всей видимости, И. Перфильев не имел твердой уверенности в том, что «делу» И. Башковского в Сибирском приказе будет дан ход. Поэтому вскоре в Москву отправляется еще один «компромат» на красноярского воеводу. Бывшие в Енисейске проездом в Москву с соболиной казной красноярские казаки Исачка Петухов «с товарищи» подали в приказной избе подорожную за подписью И. Башковского. В этой подписи енисейская администрация усмотрела неверную запись в царской титулатуре. Естественно, что И. Перфильев поспешил проинформировать об этом Сибирский приказ (л. 298).

Действия по красноярскому делу в Москве были предприняты только осенью. Согласно грамоте, датированной 15 сентября 1688 г., государи указали заняться расследованием находившемуся к тому времени в Енисейске сыщику Василию Трегубову (л. 300). К сожалению, мы не располагаем документами о результате сыска В. Трегубова. Тем не менее известно, что через год, в августе 1689 г., И. Башковский сменил новый воевода Лев Миронович Поскочин²⁴.

Что же касается Саламатовых, то представители этого семейства, видимо, не только не пострадали в результате сыска, но продолжали занимать первые ступени в иерархии служилых людей красноярского гарнизона. Сам Тит Саламатов совместно с сыном боярским Василием Многогрешным в 1692 г. возглавлял большой и успешный поход красноярцев (до 700 чел.) против тубинских князцов²⁵. Василий Саламатов в 1696 г. встречается в Иркутске в чине сына боярского: по поручению иркутского воеводы А. Т. Савелова пытается «уговорить» восставших казаков забайкальских острогов прекратить осаду города²⁶, а несколько месяцев спустя принимает активное участие в осаде красноярцами в малом городе воеводы С. Дурново²⁷. Активное участие в красноярских событиях принимал и сам Т. Саламатов. Известно, что он грозился «ругать всячески» жену воеводы²⁸.

Таким образом, сказанное Саламатовыми «слово и дело» на воеводу И. Башковского является проявлением острого недовольства части служилых людей красноярского гарнизона своей администрацией. Проявлением, замаскированным в оболочку законности. Имея личную обиду на воеводу, Саламатовы, тем не менее, «радея государеву интересу», пытались законным путем не только обратить внимание цен-

---

²⁴ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 101.

²⁵ Город у Красного яра. С. 37.

²⁶ Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 369; Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 108.

²⁷ Город у Красного яра. С. 77.

²⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории... С. 174.

тральной власти и вышестоящей администрации на злоупотребления И. Башковского, но и, прежде всего, всколыхнуть общественное мнение жителей Красноярска. Гарнизон города оказался еще не готов к открытому выступлению против воеводы, но сочувствие Саламатовым со стороны горожан, в том числе и тех, кто выполнял распоряжения И. Башковского, было налицо. Одновременно тот факт, что именно в 1688 г. Красноярский уезд был выведен из состава Енисейского разряда, чего несколько лет так добивались красноярские воеводы, свидетельствует о достаточной прочности их положения и умении оперировать общественным мнением в своих интересах.